
АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГИЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 904:930.85(477.43/.44+.72/.74)«00»

ВЗАИМОСВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ВЕЛЬБАРСКОЙ, САРМАТСКОЙ И ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУР НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ПОДОЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ I тыс. н. э.

Я. И. ОНИЩУК¹⁾

¹⁾Львовский национальный университет им. Ивана Франка, ул. Университетская, 1, 79000, г. Львов, Украина

Рассмотрены проблемы германо-сарматских влияний на формирование черняховской культуры Западного Подолья. Отмечено, что, несмотря на политическое доминирование готского союза (Государства Германариха), пришедшие вельбарские племена в скором времени подверглись процессам культурной ассимиляции и в основной своей массе постепенно растворились в полиэтнической черняховской среде, став одним из ее компонентов, однако на территории Волини, а также в северной части Подольской возвышенности вельбарское население сумело сохранить свою идентичность в домостроении, лепном керамическом производстве, элементах духовной культуры до конца позднеримского периода. Указано, что значительную роль в формировании черняховской культуры Западного Подолья сыграли сарматы, которые во второй четверти I тыс. н. э. достигли районов среднего течения реки Днестр и его левых притоков. Их присутствие прослежено при помощи анализа специфических элементов погребальной обрядности на некоторых черняховских могильниках, антропологических исследований, а также находок отдельных предметов на вельбарских и черняховских поселениях. Выделена особенность исследуемого региона, заключающаяся в присутствии на западе славянского населения, известного под названием «Верхнеднестровская локальная группа черняховской культуры». Германо-славянские взаимоотношения требуют дальнейшего изучения, однако исследования последних лет позволяют предположить, что в Западном Побужье существовала контактная зона наподобие фронта, разделявшая территории проживания этих племен.

Ключевые слова: позднеримский период; вельбарская культура; черняховская культура; группа Черепин-Теремцы; сарматы; германцы; славяне; контактная зона; взаимоотношения; Западное Подолье.

Образец цитирования:

Онищук ЯИ. Взаимосвязи населения вельбарской, сарматской и черняховской культур на территории Западного Подолья во второй четверти I тыс. н. э. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2018;3:120–129.

For citation:

Onyshchuk JI. Relationship of population of Velbar, Sarmatian and Chernyakhov cultures on the territory of Western Podillia in the second quarter of the 1st millennium AD. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2018;3:120–129. Russian.

Автор:

Ярослав Иванович Онищук – кандидат исторических наук; доцент кафедры археологии и специальных отраслей исторической науки исторического факультета.

Author:

Jaroslav I. Onyshchuk, PhD (history); associate professor at the department of archaeology and special disciplines of historical science, faculty of history.
onyshchuk@ukr.net

УЗАЕМАСУВ'ЯЗІ НАСЕЛЬНИЦТВА ВЯЛЬБАРСКОЙ, САРМАЦКАЙ І ЧАРНЯХОЎСКОЙ КУЛЬТУР НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯГА ПАДОЛЛЯ Ў ДРУГОЙ ЧВЭРЦІ І ТЫС. Н. Э.

Я. І. АНІШЧУК^{1*}

^{1*} Львоўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Івана Франка, вул. Універсітэцкая, 1, 79000, г. Львоў, Украіна

Разгледжаны праблемы германа-сармацкіх уздзеянняў на фарміраванне чарняхоўскай культуры Заходняга Падолля. Адзначана, што, нягледзячы на палітычнае дамінаванне гоцкага саюза (так званай Дзяржавы Германарыха), прышлыя вяльбарскія плямёны ў хуткім часе падвергліся працэсам культурнай асіміляцыі і ў асноўнай сваёй масе паступова сталі непрыметнымі ў поліэтнічным чарняхоўскім асяроддзі, стаўшы адным з яго кампанентаў. Аднак на тэрыторыі Валыні, а таксама ў паўночнай частцы Падольскага ўзвышша вяльбарскае насельніцтва ўсё ж здолела захаваць сваю ідэнтычнасць да канца познярымскага часу ў домабудаванні, ляпной керамічнай вытворчасці, элементах духоўнай культуры. Паказана, што значную ролю ў фарміраванні чарняхоўскай культуры Заходняга Падолля адыгралі сарматы, якія ў другой чвэрці І тыс. н. э. дасягнулі раёнаў Сярэдняга Днястра і яго левых прытокаў. Іх прысутнасць тут прасочана пры дапамозе аналізу спецыфічных элементаў пахавальнай абраднасці на некаторых чарняхоўскіх могілках, антрапалагічных даследаванняў, а таксама знаходак асобных прадметаў у вяльбарскіх і чарняхоўскіх пасяленнях. Вылучана асаблівасць даследуемага рэгіёна, якая заключаецца ў прысутнасці на яго захадзе славянскага насельніцтва, вядомага пад назвай «Верхнеднястроўская лакальная група чарняхоўскай культуры». Германа-славянскія ўзаемаадносіны патрабуюць далейшага вывучэння, аднак даследаванні апошніх гадоў дазваляюць зрабіць здагадку пра існаванне ў Заходнім Пабужжы кантактнай зоны тыпу франціру, якая падзяляла тэрыторыі пражывання гэтых плямён.

Ключавыя словы: познярымскі перыяд; вяльбарская культура; чарняхоўская культура; група Чарапін-Церамцы; сарматы; германцы; славяне; кантактная зона; узаемаадносіны; Заходняе Падолле.

RELATIONSHIP OF POPULATION OF VELBAR, SARMATIAN AND CHERNYAKHOV CULTURES ON THE TERRITORY OF WESTERN PODILLIA IN THE SECOND QUARTER OF THE 1ST MILLENNIUM AD

J. I. ONYSHCHUK^a

^aIvan Franko National Lviv University, 1 Universitetskaya Street, Lviv 79000, Ukraine

Problems of the German-Sarmatian influence on the formation of the Chernyakhov culture of the Western Podillya were considered. Despite the political dominance of the Gothic Union («The States of Hermanarich») outside Velbar tribes had been subjected to the processes of cultural assimilation soon and mostly were gradually dissolved in the polyethnic Chernyakhov background, becoming one of its components. However, on the Volyn territory, as well as in the northern part of the Podolsky Upland, the Velbar population still managed to preserve their identity in house building, stucco molding and in their spiritual culture elements until the end of late-Romanesque period. A significant role in the formation of the Chernyakhov culture of the Western Podolia was played by the Sarmatians, who reached the areas of the Middle Dniester and its left tributaries in the second quarter of the 1st millennium AD. Their presence here was recorded in form of specific elements of burial rites in some Chernyakhov burial grounds, as well as in form of findings of individual items in the Velbar and Chernyakhov settlements, by anthropological research. A feature of the investigated region is also the presence of the Slav population, known as the «Upper Dniester Local Group of Chernyakhov Culture» in its west. The German-Slavic relationship still needs to be studied but recent research suggest an existence of a contact area of frontier type separating the tribal living territories.

Key words: late-Romanesque period; Velbar culture; Chernyakhov culture; Cherepin-Teremtsi group; Sarmatians; Germans; Slavs; contact area; relationships; Western Podillya.

Введение

Памятники вельбарской культуры в пределах Восточной Европы распространены в белорусском Побужье, на Турово-Пинской территории Полесья, в западной части Волыни (до р. Горынь на востоке), а также в Северном Подолье. В Подолье пришлые вельбарские племена попали под сильное влияние

черняховской культуры, в результате чего полностью изменили свой облик, позаимствовав новые элементы материальной, а в некоторых случаях и духовной культуры.

В этом контексте сложным вопросом является участие германских племен в формировании чер-

няховской культуры. В современной украинской историографии существуют три основные теории происхождения данной культуры: славянская, германская и полиэтническая. Не будем углубляться в детальное рассмотрение каждой из них, поскольку эта проблема достаточно широко раскрыта на

страницах научных изданий [1, с. 194; 2, с. 58; 3, с. 143–160; 4, с. 240–278; 5, с. 152–162; 6, с. 179–182; 7, с. 14; 8, с. 134–147]. Однако придерживаемся мнения о том, что создателями черняховской культуры являются представители местного (автохтонного) населения полиэтнического происхождения.

Основная часть

В условиях интенсивных провинциально-римских влияний в среде племен лесостепной зоны Украины второй четверти I тыс. н. э. произошли качественные изменения в социально-экономическом и культурном развитии. Участие большого количества варварского населения в скифских войнах (около 238 – 270 гг.), наличие системы клиентских отношений Рима с местными племенами, активные торгово-экономические контакты с античным миром и другие факторы привели к быстрому распространению провинциально-римской культурной вуали на значительные пространства европейского Барбарикума. Одновременно с этим политическое доминирование готского союза на территории черняховской культуры вело к постепенной унификации материального комплекса населения. Этому способствовали также интеграционные процессы, происходившие в регионах смежного проживания разнотнического населения (Среднее Приднестровье, Южное Побужье, Среднее Поднепровье, Нижнее Поднепровье и т. д.), которые неизбежно вели к смешению культурных элементов, а следовательно, к взаимоассимиляции и постепенному нивелированию древних племенных традиций.

Сложные культурно-исторические процессы происходили и на Подолье. Считается, что в позднееримский период эта территория входила в ареал черняховской культуры, а вельбарские элементы присутствовали только в виде воздействий [5; с. 159–161; 9, с. 218–219; 10, с. 139–147; 11, с. 128–129]. Исследователь Б. С. Строценъ считает возможным существование на Западном Подолье германо-славянской контактной зоны. Он пришел к выводу о том, что во второй четверти I тыс. н. э. в этом районе проживали две этнические группы: в южной и западной частях (Днестровская область) – автохтонная славянская группа, представленная памятниками типа Черепин-Теремцы, а на северо-востоке (тернопольский ландшафтный район) – пришлая германская группа, основу которой составляло вельбарское население [12, с. 33–35].

Новые материалы, касающиеся реконструкции этнокультурной ситуации второй четверти I тыс. н. э., были получены в результате археологического исследования памятников этого времени в верховьях рек Иква, Серет, Стирь, Горынь, а также в бассейне р. Гнезны – левого притока р. Серет (Дудин-II, Накваша-I, Суховоля-VII, Броды-I, Кобылье, Очеретное-II и др.). Исследования засвиде-

тельствовали существование на этой территории смешанных вельбарско-черняховских комплексов, многочисленные аналогии которым обнаруживаются на памятниках вельбарской культуры как в Западной Волыни и Повисленье, так и в черняховской лесостепной зоне Украины. В частности, в поселениях обнаружены характерные для восточных германцев глинобитные жилища, специфическая лепная керамика (рис. 1, 2), предметы хозяйства, быта и т. д. [13, с. 303–331; 14, с. 111–112; 15, с. 366–367, 371, 373; 16, с. 453–456; 5]. Наземные глинобитные постройки, часто больших размеров (55–120 м²), напоминают жилища *stall haus* (от англ. «большие дома»), встречающиеся на территории Северной Германии и Польши. Лепная посуда соответствующих форм имеет сходство с вельбарской керамикой современной Люблинщины, Мазовии и Подляшья. Одновременно на поселениях и могильниках позднееримского времени исследуемой территории присутствуют и материалы черняховской культуры – кружальная сероглиняная керамика. Данное явление объясняется активным проникновением

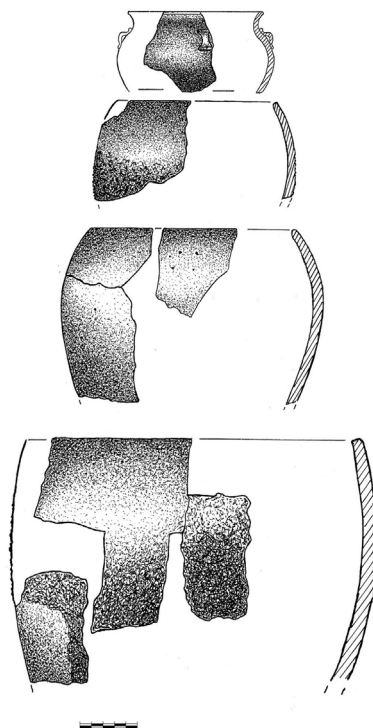

Рис. 1. Лепная вельбарская керамика с поселения Суховоля-VII
Fig. 1. Handmade Velbar pottery from Sukhovolya-VII settlement

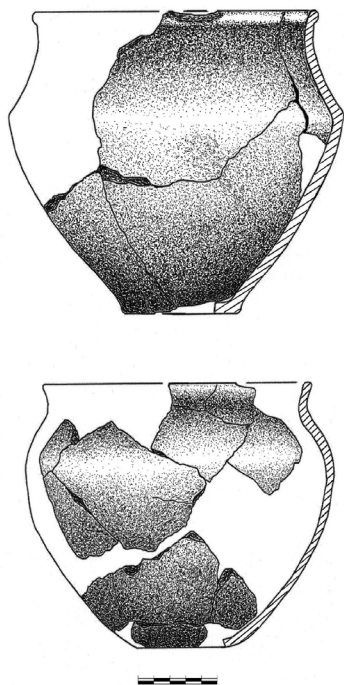

Рис. 2. Лепная посуда вельбарской культуры с поселения Малинище-I

Fig. 2. Handmade utensils of Velbar culture from Malynishche-I settlement

в жизнь пришлого вельбарского населения новых культурных элементов, поступающих из более развитой черняховской среды.

Таким образом, исторические готы, а возможно, и группы поселенцев из других восточногерманских племен (гепиды, герулы, бургунды, вандалы и др.) заселили северную часть Подольской возвышенности не позднее начала III в. н. э., а может и в конце II в. н. э., одновременно с освоением ими Западной Волыни. Благоприятная для проживания, земледелия и скотоводства почва побудила пришельцев к основанию на этой территории долговременных поселений (Кобылье, Дудин-II, Малинище-II и др.). В дальнейшем Западная Волынь стала своеобразным плацдармом для внедрения германцев в среду носителей черняховской культуры. Попав в сферу влияния более развитого общества, вельбарцы заимствовали новые черты материальной и духовной культуры и, постепенно теряя свою самобытность, стали составной частью большой полиэтнической общности.

Имеющиеся на сегодняшний день археологические источники позволяют предположить, что в составе черняховской культуры Западного Подолья наличествует и сарматский этнический компонент. По нашему мнению, культурные элементы этого населения прослеживаются в захоронениях

с заплечиками на могильнике в с. Чернелев-Русский, в специфической лепной керамике с. Чернелево-Русский и могильника в с. Токи, фибулах типа *Dybäck/Independența*, найденных в поселениях Кобылье и Броды-I (рис. 3) [17, с. 371–380] и др. На поселении Глядки первой половины – середины IV в. н. э. Волочисского района Хмельницкой области, которое исследовала Южно-Бугская экспедиция Научно-исследовательского центра «Спасательная археологическая служба» Института археологии НАН Украины в 1997 г., были открыты следы наземных сооружений округлой формы. Исследователи предположили, что это могли быть остатки юртоподобных жилищ кочевников – языгов или аланов, – осевших в Южном Побужье [18, с. 30–31]. Подобные формы сарматских сооружений были зафиксированы на некоторых черняховских памятниках юга Украины – поселении Дракули в области Бужак и поселении Бургунки в Херсонской области [19, с. 137–138], а также, по мнению С. В. Воронятова, на позднезарубинецком памятнике Почеп в Верхнем Подесенье¹.

Как считает А. В. Гудкова, присутствие сармат в составе черняховской культуры на развитой, поздней и финальной стадиях ее формирования не вызывает сомнения [20, с. 39]. Этой теории придерживался и И. С. Винокур, который допускал проникновение сарматских кочевников из Северо-Западного Причерноморья, через земли современной Молдовы, на территорию Среднего Поднестровья и Прикарпатья: «Можно не сомневаться в том, что часть пришлого сарматского населения была постепенно ассимилирована в среде гето-фракийских

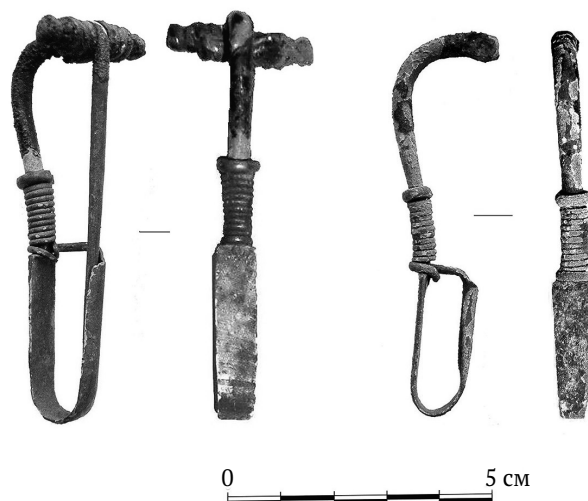

Рис. 3. Сарматские фибулы типа *Dybäck/Independența* с вельбарско-черняховского поселения Броды-I

Fig. 3. Sarmatian fibulas of *Dybäck/Independența* type from Brody-I Velbar-Chernyakhiv settlement

¹Воронятов С. В. Сарматский и южно-балтский культурные импульсы в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I – нач. II вв. н. э.): диссертация ... канд. ист. наук. СПб, 2018. С. 71–74 [Электронный ресурс]. URL: http://www.archeo.ru/dissovet/dissertacii/Voroniato_v_diss.pdf (дата обращения: 15.03.2018).

и славянских племен. <...> Активную роль в миграционном сарматском потоке с юга играли языги и роксоланы»² [21, с. 54–55]. Одной из причин миграции части этих племен в Южное Побужье и Поднестровье могла стать неблагоприятная природно-климатическая ситуация, сложившаяся в начале нашей эры. Согласно исследованиям палеоклиматологов в это время в степях Евразии распространяется катастрофическая засуха, приведшая к выгоранию традиционных пастбищ – ресурсной зоны многочисленных кочевников [22, с. 75]. Подобные погодные условия имели место также и на территории степной зоны современной Украины [23, с. 43].

Для изучения проблемы сарматского присутствия на территории Западного Подолья важной представляется информация, записанная львовским краеведом и историком начала XX в. Василием Карповичем (псевдоним – Богдан Януш). Он описал процесс раскопок в 1904 г. на окраине с. Заздрость Терновлянского района Тернопольской области большой каменной стелы с выбитыми на поверхности тремя загадочными символами (рис. 4). Извлекая камень, рабочие наткнулись на кости двух овец, а также на гончарную керамику, характерную для позднееримского времени [24, с. 251–253; 25, с. 11, 188]. Сопоставление знаков с тамгами бо-спорских царей, среди которых были выходцы из

сарматской знати (Савромат II, Рескупорид III), дали основания М. С. Бандриковскому считать, что стела из с. Заздрость имеет сарматское происхождение, а тамги на ее поверхности были выбиты по указанию либо одного из вождей этих племен, родственного с царскими династиями Боспора, либо военного союзника [26, с. 66–68]. Соглашаясь с этим, следует добавить, что с. Заздрость находится на северной окраине бывшей степи «Панталыха», которая в древности простиралась в междуречье р. Стрыпы и р. Сереты. Согласно данным «Иосифинской карты коронного края Галичины» (так называемая карта фон Мига) в 1780 г. площадь степи составляла 116,7 км². Даже во второй половине XIX в. в «Панталыхе» выпасали большие стада скота и табуны лошадей [27, с. 845]. Частично заболоченная и богатая на растительность территория степи была благоприятна для проживания в этой местности древних кочевников. Можем предположить, что в первой половине I тыс. н. э. какая-то часть сармат обустроила в «Панталыхе» кочевья, обозначив каменными столбами с тамгами свои владения. В. С. Драчук считал, что стела из с. Заздрость могла являться символом власти сармат над этой территорией и была поставлена аланами в конце II – начале III в. н. э. [28, с. 44].

Несколько иного мнения относительно происхождения сарматских племен этой территории придерживался М. Ю. Смишко. Он связывал появление памятников кочевнической культуры с языгами, поселившимися в Северо-Западном Поднестровье еще в начале нашей эры и проживавших на Западном Подолье до II в. н. э. включительно [29, с. 69]. Прямым свидетельством присутствия языгов являются могильники у с. Ленковцы [30, с. 65–67] и с. Киселева [31, с. 126–131] Черновицкой области, с. Островец [29, с. 54–70] Ивано-Франковской области, с. Буряковка [32, с. 73–76] и с. Толстое [33, с. 108–111] Тернопольской области. Богатое захоронение мужчины и женщины было открыто в с. Пороги Винницкого района. Наличие в погребальном инвентаре значительного количества золотых изделий, оружия, а также семи тамг, изображенных на ряде предметов (доннышке и ручке серебряного кубка, декоративных пластинах парадного пояса, наконечнике портупейного пояса, золотой оковке ножен меча и т. п.) свидетельствует о погребении в этом месте знатной особы, возможно, сарматского царя Инисмея [34, с. 6–75].

Позднееримским периодом датируются сарматские элементы в некоторых погребениях чернелев-русского и токовского могильников. Так, из 288 захоронений черняховской культуры в с. Чернелев-Русский, 14 ям имели характерные уступы –

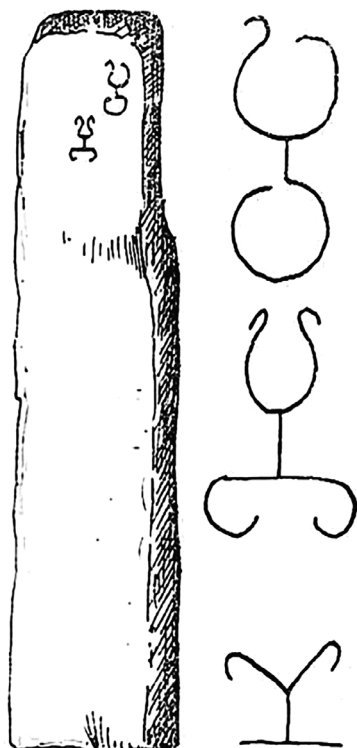

Рис. 4. Каменная стела из с. Заздрость.
Источник: [1, с. 67]

Fig. 4. Stone stela from Zazdryst village.
Source: [1, с. 67]

²Здесь и далее перевод наш. – Я. О.

запечки. В захоронении № 55, которое отличалось сложной конструкцией могильной ямы с подбоями, были обнаружены череп и кости овцы, а также ребра быка. Скелет овцы был найден также в погребении № 300³. Эти особенности, в совокупности с некоторыми формами лепной посуды так называемого Среднедунайского типа, позволяют предположить, что в комплексе чернелев-русского могильника присутствовал незначительный, однако довольно выразительный сарматский этнический компонент. Среди материалов могильника в с. Токи Волочисского района Тернопольской области, согласно информации исследователя И. П. Гереты, «в трех захоронениях была обнаружена вельбарская и сарматская лепная посуда, еще в одном находился горшок сарматского типа» [35, с. 146]. Анализ индивидуальных краниометрических данных, проведенный Т. А. Рудич, засвидетельствовал сарматские черты в 10 % мужских и 16 % женских захоронений на могильниках в с. Петриковцы, с. Косаново Винницкой области и с. Чернелев-Русский Тернопольской области [36, с. 80]. Сочетание вельбарских и сарматских элементов также было прослежено в комплексе детского захоронения № 58 с запечками на могильнике в с. Оселевка на Среднем Днестре [20, с. 39].

Таким образом, верхняя хронологическая граница сарматских древностей на Западном Подолье может достигать конца позднеимперского периода. Безусловно, это предположение еще требует более веского обоснования, однако сложная этнокультурная ситуация, сформировавшаяся на Западном Подолье во второй четверти I тыс. н. э., делает его вполне возможным.

В западной части Подольской возвышенности, Северном Прикарпатье и верхнем течении р. Западный Буг в позднеимперское время проживали племена, относящиеся к верхнеднепровскому варианту черняховской культуры (группа Черепин-Теремцы). Речь идет о памятниках, расположенных на территории Верхнего Приднестровья (с. Черепин, с. Свирж, с. Бурштын, с. Демьянов, с. Куропатники и др.) и в верхнем течении р. Западный Буг (Репнев-II, с. Ракобовты, с. Неслухив, г. Буск, п. Новый Ярычев, с. Гряды и др.). Этноконтактная зона германцев и славян, схожая с фронтиром, проходила у верховий Западного Буга, примерно на стыке Гологорского и Вороняцкого краев Подольской возвышенности (рис. 5). На сегодняшний день наиболее западным памятником вельбарской культуры в этом районе является поселение Йосиповка-III, расположенное на расстоянии чуть больше 20 км от черняховского в с. Ракобовты на р. Западный Буг. Несмотря на близкое

соседство, вельбарское влияние на материальную культуру населения Западного Побужья и Верхнего Поднестровья (за исключением небольшого количества фрагментов кумпфоподобных горшков [5, с. 81]) пока не прослеживается. Это дало основание Д. Н. Козаку предположить, что готы на своем пути в Северное Причерноморье обошли стороной данную территорию, а позже между германцами и славянами мог быть заключен определенный договор, который регулировал взаимоотношения народов [37, с. 36; 38, с. 215].

В связи с этим возникает вопрос о том, что заставило германское население обойти стороной Верхнее Поднестровье. Эта проблема на сегодняшний день малоизучена. В частности, дискуссионным представляется предположение Д. Н. Козака о том, что продвижение готов в этот район было остановлено военным сопротивлением славянских племен где-то на Волынской возвышенности [39, с. 126; 37, с. 7; 38, с. 211–212]. Ни исторические, ни археологические источники не дают оснований говорить о военных столкновениях на этой территории между славянами и германцами.

Вероятно, причина заключалась в другом. Предполагаем, что на эту ситуацию могли влиять как географические, так и этнические факторы. Известно, что волны миграции восточногерманских племен привели к заселению ими территории Западной Волыни. Картографирование показывает, что вельбарские памятники в основном расположены вдоль Волынской возвышенности (с. Ромош, с. Ястребичи, с. Свитаев, с. Федоровка, с. Линев-II, с. Загаи-II, с. Горка Полонка, с. Хренники и др.). Район Малого Полесья в это время был слабо заселен. Из-за определенных особенностей геоморфологического строения некоторые местности (например Буго-Стырское междуречье) были довольно заболочены и малопригодны для продвижения больших групп переселенцев. Кроме того, как свидетельствуют данные палеоклиматологии, в начале нашей эры происходят ощутимые изменения климатических условий, обозначенные повышением уровня Мирового океана. Это, в свою очередь, вызвало трансгрессию Черного моря и поднятие уровня вод в реках Европы [40, с. 115]. Такого рода природные процессы, несомненно, не могли миновать территорию Малополесской равнины, вследствие чего увеличилась заболоченность этого района.

Исходя из вышесказанного предполагаем, что в первой половине I тыс. н. э. Малое Полесье и особенно Волынское Полесье представляли собой слабопроходимые зоны, непригодные для больших миграционных потоков. Поэтому для движения на

³Тилищак В. С. Чернелево-Русский могильник черняхівської культури : дисертація ... канд. іст. наук. Київ, 2013. С. 57, 108, 149, 167–168.

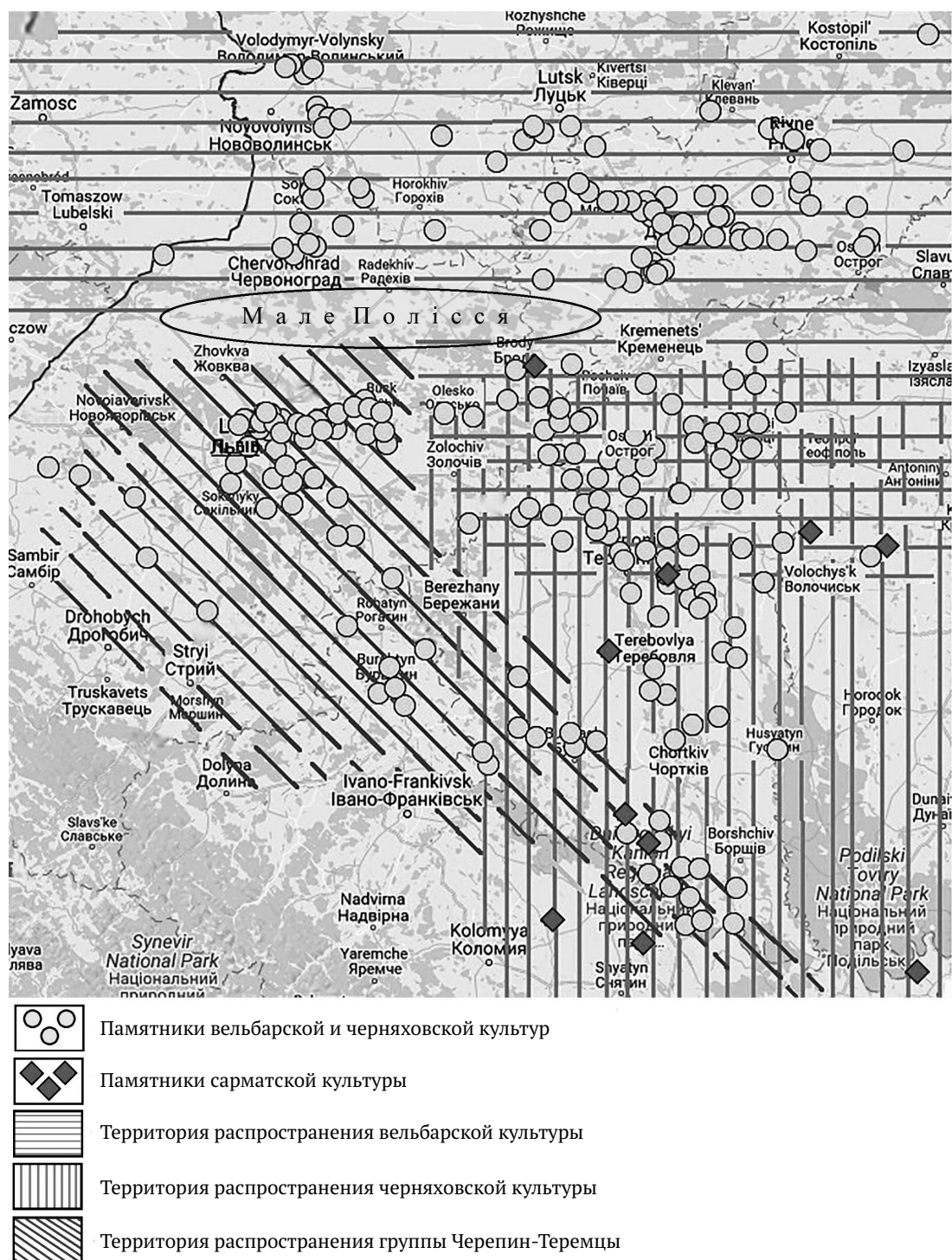

Рис. 5. Карта распространения культур второй четверти I тыс. н. э. на территории Западной Волыни и Подолья

Fig. 5. Map of distribution of the cultures in the second quarter of 1st millennium AD in the territory of Western Volhynia and Podillya

юг готы использовали давно известный сухопутный путь, который лежал через Люблинскую и Волынскую возвышенности и, выходя в район Кременецких гор (с. Великие Викнины, с. Борсуки, г. Шумск, с. Кобылье, с. Раковец, с. Рудка), достигал Северного Подолья. Перемещение вдоль Грядового Побу-

жья, в свою очередь, было затруднено компактным проживанием в этой местности славянских племен Верхнеднестровской группы черняховской культуры, которые, по мнению Д. Н. Козака, были враждебно настроены к пришельцам с Нижней Вислы [38, с. 114–116].

Заключение

На территории Западного Подолья во второй четверти I тыс. н. э. происходили сложные исторические процессы, связанные с взаимовлияниями различных этнических групп населения, приведшие к культурной ассимиляции вельбарского населения и включению его в состав полиэтнического образования, материальным отражением которого в археологии являются памятники черняховской культуры. В то же время, как свидетельствуют памятники пограничья Северного Подолья и Малого Полесья, носители вельбарской культуры частично сохрани-

ли свой облик в керамическом производстве, особенностях домостроительства, элементах духовной культуры. Археологические исследования последних лет позволяют предположить, что в Западном Побужье существовала контактная зона на подобие фронта, разделявшая территории проживания германских и славянских племен Верхнеднепровской группы. Определенную роль в формировании черняховской среды Западного Подолья также сыграли сарматские племена, которые частично освоили эту территорию еще на рубеже новой эры.

Библиографические ссылки

1. Тиханова МА. О локальных вариантах черняховской культуры. *Советская археология*. 1957;4:168–194.
2. Кухаренко ЮВ. Волинская группа полей погребений и проблема так называемой гото-гепидской культуры (тезисы доклада). *Краткие сообщения Института археологии*. 1970;121:57–58.
3. Винокур ІС. *Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II–V ст. н. е.* Київ: Наукова думка; 1972.
4. Винокур І. *Черняхівська культура: витоки і доля*. Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка; 2000.
5. Баран ВД. *Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу)*. Київ: Наукова думка; 1981.
6. Баран ВД. *Давні слов'яни. Том 3*. Київ: Альтернативи; 1998.
7. Козак Д. Етноплемінна належність вельбарської культури в Україні (археологія, історія, лінгвістика). *Вісник Інституту археології*. 2006;1:8–15.
8. Магомедов Б. *Черняховская культура. Проблема этноса*. Люблин: Издательство университета Марии Кюри-Склодовской; 2001.
9. Винокур ІС. Вельбарские элементы и черняховские древности Лесостепи Украины II–V вв. н. э. В: *Kultura wielbarska w młodszym okresie Rzymskim (materiały z konferencji)*. Том 2. Lublin: UMCS; 1989. S. 217–224.
10. Винокур І. Старожитності Волино-Подільського пограниччя II–VII ст. н. е. В: Козак ДН, головний редактор. *Археологія Тернопільщини*. Тернопіль: Джура; 2003. С. 139–147.
11. Строцень Б. *Черняхівська культура Західного Поділля*. Тернопіль: Астон; 2008.
12. Строцень БС. Слов'яно-германське порубіжжя на Західному Поділлі. В: *Доистория Восточной Европы поздне-римского времени – начала эпохи великого переселения народов. Выпуск 1. Материалы полевых семинаров у с. Войтенки 2009, 2010 гг.* Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина; 2011. с. 33–35.
13. Онищук Я. Кераміка вельбарської культури з поселення Дудин-II у верхів'ях р. Ікви. *Археологічні дослідження Львівського університету*. 2012;16:303–312.
14. Смішко МЮ. Селище доби полів поховань у Вікнінах Великих. *Археологія*. 1947;1:111–122.
15. Смішко МЮ. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р. В: *Археологічні пам'ятки УРСР Том 3. Ранні слов'яни і Київська Русь*. Київ: Видавництво Академії наук Української ССР; 1952. с. 337–378.
16. Строцень Б. Дослідження поселення пізньоримського часу біля с. Кобилля на Тернопільщині у 1991–1993 роках. В: Kokowski A. *Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu. Monumenta Studia Gothica. Tom 4*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie – Skłodowskiej; 2005. S. 453–463.
17. Schuster J. Fibeln vom Typ Dybäck/Independența als Beispiel weitreichender Kontakte zwischen Nord- und Südosteuropa an der Schwelle zur Völkerwanderungszeit. V: *Na hranicích impéria. Extra Fines Imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narozeninám*. Brno: Masarykova univerzita; 2017. S. 371–380.
18. Конопля В, Войнаровський В, Онищук Я. *Черняхівське поселення Глядки у верхів'ї Південного Бугу*. Львів: Новий час; 2004.
19. Магомедов БВ. Сармати у складі черняхівської культури. В: Терпиловський РВ, відповідальний редактор. *Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е.* Київ-Львів: РАС; 1999. с. 132–142.
20. Гудкова ОВ. Про участь сарматів у виникненні черняхівської культури. *Археологія*. 2001;2:36–41.
21. Винокур ІС. Сармати у Прикарпатті. *Археологічні студії*. 2000;1:50–57.
22. Халиков АХ. Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тыс. н. э. В: Каспарова КВ, Щукин МБ, Обломский АЛ, Шинаков КА, Халиков АХ, Старостин ПН, Салугина НП и др. *Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет*; 1986. с. 73–89.
23. Герасименко НП. Ландшафтно-кліматичні зміни на території України за останні 2,5 тис. років. *Історична географія: початок XXI століття. Випуск 14. Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції; 3–6 жовтня 2007; Вінниця, Україна. Вінниця: Теза; 2007. с. 41–53.*
24. Janusz B. *Zabytki przedhistoryczne Galicji Wschodniej*. Lwów: Nakł. Tow. dla Popierania Nauki Polskiej z funduszu Bolesława Orzechowicza; 1918.
25. Czołowski A, Janusz B. *Przeszłość i zabytki Województwa Tarnopolskiego*. Tarnopol: Nakładem Powiatowej Organizacji Narodowej; 1926.

26. Бандрівський М. *Сварожі лики. Археологічно-релігійно-історичні нариси з історії Західної України*. Львів: Логос; 1992.
27. Pantalicha V; Chlebowski B, Walewski W. *Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Tom VII*. Warszawa: Wieku; 1886. S. 845.
28. Драчук ВС. Стела со знаками из Тербовельщины. *Советская археология*. 1967;2:43–44.
29. Смішко МЮ. Сарматські поховання біля с. Острівця Станіславівської області. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. 1962;4:54–70.
30. Мелюкова АИ. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1953;51:60–73.
31. Винокур ИС, Вакуленко ЛВ. Киселевский могильник I–II вв. н. э. *Краткие сообщения Института археологии*. 1967;112:126–131.
32. Малеев ЮМ, Піоро ІС. Сарматське поховання в с. Буряківка на Тернопільщині. *Археологія*. 1973;12:73–76.
33. Малеев Ю, Симоненко О. Сарматські поховання на півдні Тернопільщини. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. 2002;8:108–111.
34. Симоненко АВ, Лобай БИ. *Сарматы Северного Причерноморья в I в. н. э.* Киев: Наукова думка; 1991.
35. Герета ІП. Нові пам'ятки Західного Поділля в світлі проблем черняхівської культури. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. 1995;6:144–163.
36. Рудич ТА. Сарматы в составе черняховской культуры (по материалам антропологии). В: Піоро ІС, Зубарь ВМ, Казанский М, Храпунов ИИ, Магомедов БВ, и др. *Готы и Рим. Сборник научных статей*. Киев: Стило; 2006. С. 73–86.
37. Козак ДН. До проблеми співіснування слов'ян і германців в Україні у другій чверті I тис. н. е. В: *Старожитності Русі-України*. Київ: Київ; 1994. с. 31–36.
38. Козак Д. *Венеції*. Київ: Киев; 2008.
39. Козак ДН. *Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е. – IV ст. н. е.)*. Київ: Наукова думка; 1992.
40. Федосов АВ. *Готские и славянские предгосударственные образования III–IV вв.* Брянск: Буквица; 2015.

References

1. Tikhanova MA. O lokal'nykh variantakh chernyakhovskoi kul'tury [About local options of the Chernyakhiv culture]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology]. 1957; 4:168–194. Russian.
2. Kukhareno YV. Volynskaya gruppa polei pogrebenii i problema tak nazyvaemoi goto-gepidskoi kul'tury (tezis doklada) [Volyn group of funeral fields and the problem of the so-called Goto-Gepid culture (thesis of the report)]. *Kratkie soobsheniya Instituta arheologii AN SSSR* [Brief Communications of the Institute of Archeology AS USSR]. 1970;121:57–58. Russian.
3. Vinokur IS. *Istoriya ta kul'tura chernjahiv's'kyh plemen Dnistro-Dniprovs'kogo mezhyrichchja II–V st. n. e.* [History and culture of the Chernyakhiv tribes of Dniestro-Dnirovsky interfluvium of the II–V centuries AD]. Kiev: Naukova dumka; 1972. Ukrainian.
4. Vinokur I. *Chernjahiv's'ka kul'tura: vytyky i dolja*. [Chernyakhiv culture: beginnings and destiny]. Kamenets-Podilsky: Kam'janec'-Podil's'kyj nacional'nyj universytet imeni Ivana Ogijienka; 2000. Ukrainian.
5. Baran VD. *Chernjahiv's'ka kul'tura (za materialamy Verhn'ogo Dnistra i Zahidnogo Bugu)* [Chernyakhiv culture (based on the materials of the Upper Dniester and the Western Bug)]. Kiev: Naukova dumka; 1981. Ukrainian.
6. Baran VD. *Davni slov'jany. Tom 3* [Ancient Slavs. Volume 3]. Kiev: Al'ternatyvy; 1998. Ukrainian.
7. Kozak D. Tribal interpretation of Verbal culture in Ukraine (archaeology, history, linguistics). *The bulletin Institute of archeologie of Lviv University* [Visnyk Instytutu arheologii]. 2006;1:8–15. Ukrainian.
8. Magomedov B. *Chernyakhovskaya kul'tura. Problema etnosa* [Chernyakhiv culture. Problem of ethnos]. Lublin: Izdatel'stvo unyversyteta Maryy Kjury-Sklodovskoj; 2001. Russian.
9. Vinokur IS. [Velbar elements and Chernyakhov antiquities of Ukraine Forest-steppe of the II–V centuries AD]. In: *Kul'tura wielbarska w młodszym okresie Rzymskim (materiały z konferencji). Tom II*. [Wielbark Culture in the Younger Roman Period (conference materials). Volume 2]. Lublin: UMCS; 1989. s. 217–224. Russian.
10. Vinokur I. Starozhytnosti Volyno-Podil's'kogo pogranychchja II–VII st. n. e. [Antiquities of the Volyn-Podilskyi borderlands of the II–VIII centuries AD]. In: Kozak DN, editor. *Arkheolohiya Ternopilshchyny* [Archeology of the Ternopil region]. Ternopil: Dzhura; 2003. p. 139–147. Ukrainian.
11. Strocen B. *Chernjahiv's'ka kul'tura Zahidnogo Podillja* [Chernyakhiv culture of West Podillya]. Ternopil: Aston; 2008. Ukrainian.
12. Strocen BS. Slawisch-germanisches Grenzgebiet in West-Podolje. In: *Doistoriya Vostochnoj Yevropy pozdnerimskogo vremeni – nachala epohi velikogo pereseleniya narodov. Vyp. 1* [Vorgeschichte von Osteuropa in der Späten Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit. Heft 1]. Kharkiv: HNU imeny V. N. Karazyna; 2011. p. 33–35. Ukrainian.
13. Onyshchuk J. The ceramics of wielbark culture from the settlement of dudyn ii in upper ikva. *Lviv University Archaeology Studies*. 2012;16:303–312. Ukrainian.
14. Smishko MY. [The settlement of the burial grounds era in the Vikyny Velyki]. *Arkheolohiya* [Archeology]. 1947;1:111–122. Ukrainian.
15. Smishko M. Doslidzhennja pam'jatok kul'tury poliv pohovan' v zahidnykh oblastjakh URSR u 1947 r. [The Study of cultural sites of burial grounds in the Western regions of the USSR in 1947] In: *Arheologichni pam'jatky URSR Tom 3. Ranni slov'jany i Kyi'vs'ka Rus'* [Archaeological sites Ukrainian SSR. Vol. 3: Early Slavs and Kyivan Rus]. Kiev: Vydavnytstvo Akademii' nauk Ukrainy; 1952. p. 337–378. Ukrainian.
16. Strocen B. Doslidzhennja poselennja pizn'oryms'kogo chasu bilja s. Kobylja na Ternopil'shchyni u 1991–1993 rokakh [The Study of the settlement of the late-Roman time near Kobylja village in the Ternopil region in 1991–1993]. In: Kokowski A. *Europa Barbarica. Czwierc wieku archeologii w Masłomęczu. Monumenta Studia Gothica. Tom 4*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie – Skłodowskiej; 2005. s. 453–463. Ukrainian.

17. Schuster J. Fibeln vom Typ Dybäck/Independența als Beispiel weitreichender Kontakte zwischen Nord- und Südosteuropa an der Schwelle zur Völkerwanderungszeit. In: *Na hranicích impéria. Extra Fines Imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narodeninám*. Brno: Masarykova univerzita; 2017. s. 371–380. German.
18. Konoplia V, Voynarovskiy V, Onyshchuk J. *Chernyakhiv's'ke poselennja Gljadky u verhiv'i' Pivdenного Bugu* [Chernyakhov settlement of Hliadka at the upper reaches of the Southern Bug]. Lviv: Novyj chas; 2004. Ukrainian.
19. Magomedov BV. Sarmaty u skladi chernyakhiv's'koi' kul'tury [Sarmatians in Chernyakhiv culture]. In: Terpylovs'kyj RV, editor. *Etnokulturni protsesy v Pivdenno-Skhidnii Yevropi v I tysiacholitti n.e.* [Ethno-cultural processes in South-Eastern Europe in the 1st millennium BC]. Kyiv: Lviv: RAS; 1999. p. 132–142. Ukrainian.
20. Gudkova OV. About a participation of the Sarmatians in the origin of the Chernyakhovian culture. *Arkheolohiya* [Archaeology]. 2001;2:36–41. Ukrainian.
21. Vinokur IS. Sarmaty u Prykarpatti [Sarmatians in Pre-Carpathian region]. *Arkheolohichni studii* [Archaeological studies]. 2000;1:50–57. Ukrainian.
22. Khalikov AH. Ob etnokul'turnoi situatsii v Srednem Povolzh'e i Priural'e v I tys. n. e. [About ethno-cultural situation in the Middle Volga and Urals in the 1st millennium AD]. In: Kasparova KV, Shchukin MB, Oblomskii AL, Shinakov KA, Khalikov AKh, Starostin PN, Salugina NP and all. *Kul'tury Vostochnoi Evropy I tysyacheletiya* [Cultures of Eastern Europe of the 1st millennium]. Kuibyshev: Kuibyshevskii gosudarstvennyi universitet; 1986. p. 73–89. Russian.
23. Gerasimenko NP. Climatic and environmental changes in Ukraine during the last 2,500. *Istorichna geografiya: pochatok XXI stolittja. Materiali mizhnarodnoi' naukovo-teoretichnoi' konferencii'; 3–6 zhovtnja 2007 r.; Vypusk 14. Vinnicja, Ukraïna* [Historical geography: the beginning of the XXI century. Materials of international scientific-theoretical conference. 2007 October 3–6]. Issue 1. Vinnitsa, Ukraine] Vinnytsya: Teza; 2007. p. 41–53. Ukrainian.
24. Janush B. *Prehistoric remains of East Galicia*. Lviv: nakł. Tow. dla Popierania Nauki Polskiej z funduszu Bolesława Orzechowicza; 1918. Polish.
25. Cholowski A, Janush B. *The past and remains of the Tarnopol Voivodeship*. Tarnopol: Nakładem Powiatowej Organizacji Narodowej; 1926. Polish.
26. Bandrivsky M. *Svarozhi lyky. Arheologichno-religijeznavchi narysy z istorii' Zahidnoi' Ukrai'ny* [Svarozhi Faces. Archaeological and Religious Essays from the History of Western Ukraine]. Lviv: Logos; 1992. Ukrainian.
27. Pantalicha V, Chlebowsky B, Walewski W. *Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Tom VII*. Warszawa: Wieku; 1886. s. 845. Polish.
28. Drachuk VS. Stela so znakami iz Terebovel'shchiny [Stella with signs from Terebovlya region]. *Sovetskaia arkheolohiya* [Soviet Archeology]. 1967;2:43–44. Russian.
29. Smishko MY. Sarmats'ki pohovannja bilja s. Ostrivec' Stanislavivs'koi' oblasti [Sarmatian burial grounds near Ostrivec village in Stanislaviv region] *Materialy i doslidzhennja z arkheolohii Prykarpattia i Volyni* [Materials and studies on archeology of Sub-Carpathian and Volhynian area]. 1962;4:54–70. Ukrainian.
30. Melukova AI. Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Dnestre [The sites of Scythian Time in the Middle Dniester]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoj kultury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture]. 1953;51:60–73. Russian.
31. Vinokur IS, Vakulenko LV. Kiselevskii mogil'nik I–II vv. n. e. [Kiselev burial ground of the I–II centuries AD]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology AS USSR]. 1967;112:126–131. Russian.
32. Maleev YM, Pioro IS. Sarmats'ke pohovannja v s. Burjakivka na Ternopil'shhyni [Sarmatian burial ground in Buryakivka village in the Ternopil region]. *Arkheolohiya* [Archaeology]. 1973;12:73–76. Ukrainian.
33. Maleev Y, Simonenko O. Sarmats'ki pohovannja na pıvdni Ternopil'shhyni [Sarmatian burial grounds in the South of Ternopil region]. *Materialy i doslidzhennja z arkheolohii Prykarpattia i Volyni* [Materials and studies on archeology of Sub-Carpathian and Volhynian area]. 2002;8:108–111. Ukrainian.
34. Simonenko AV, Lobai BI. *Sarmaty Severno-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n.* [Sarmatians of the North-Western Black Sea region in the 1st century AD]. Kiev: Navukova dumka; 1991. Russian.
35. Gereta IP. Novi pam'jatky Zahidnogo Podillja v svitli problem chernyakhiv's'koi' kul'tury [New sites of the Western Podillja in the light of the problems of Chernyakhiv culture]. *Materialy i doslidzhennja z arkheolohii Prykarpattia i Volyni* [Materials and studies on archeology of Sub-Carpathian and Volhynian area]. 1995;6:144–163. Ukrainian.
36. Rudich TA. Sarmaty v sostave chernyakhovskoi kul'tury (po materialam antropologii) [Sarmatians as a part of the Chernyakhov culture (by anthropology materials)]. In: Pioro IS, Zubar' VM, Kazanskii M, Khrapunov IN, Magomedov BV et al. *Goty i Rim. Sbornik nauchnyh statej* [Goths and Rome. collection of scientific articles]. Kiev: Stilos; 2006. p. 73–86. Russian.
37. Kozak DN. [The problem of the Slavs and Germans coexistence in Ukraine in the second quarter of the 1st millennium AD]. In: *Starozhytnosti Rusi-Ukraïny* [Antiquities of Rus-Ukraine]. Kyiv: Kyiv; 1994. p. 31–36. Ukrainian.
38. Kozak D. *Venedy* [Venedy]. Kiev: Kiev; 2008. Ukrainian.
39. Kozak DN. *Etnokul'turna istorija Volyni (I st. do n. e. – IV st. n. e.)*. [Ethnocultural history of Volyn (I century BC – IV century AD)]. Kyiv: Naukova dumka; 1992. Ukrainian.
40. Fedosov AV. *Gotskie i slavyanskije predgosudarstvennye obrazovaniya III–IV vv.* [Gothic and Slavic pre-state formations in III–IV centuries]. Bryansk: Bukvitsa; 2015. Russian.